

И. А. Александров

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА СОГЛАСНО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 ГОДА

В статье рассматриваются некоторые аспекты ответственности членов так называемых деструктивных религиозных объединений. В сфере взаимоотношений государства с различными религиозными объединениями в современном обществе возникают разнообразные вопросы, требующие взвешенного подхода. В этой связи целесообразным выступает изучение правовой политики Российской империи в отношении тех или иных сект, старообрядческих толков. В частности, религиозные объединения, опасные для личности, общества и государства, сопоставляются с изуверными сектами. Приведенный термин соотносится с понятием «изуверное учение», использовавшимся в дореволюционном отечественном законодательстве. В данном случае анализируются нормы, содержащиеся в Уголовном уложении 1903 г., посвященные ответственности последователей указанных учений. Исследуются вопросы, связанные с ответственностью за «сворачивание» в изуверное учение и за принадлежность к такому учению. Обсуждаются изменения в изучаемых нормах, произошедшие в связи с принятием указа императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Эти изменения в том числе были связаны с признанием неэффективности карательной политики по отношению к различным религиозным сектам. В заключение рассматриваются корректировки, которые предлагалось внести в нормы, касающиеся последователей изуверных учений.

Ключевые слова: секта, раскол, изуверное учение, Российская империя, Уголовное уложение.

Обращаясь к проблеме противодействия деструктивным религиозным объединениям (тоталитарным сектам, деструктивным культам и т. п.)¹, существующим в современном обществе, целесообразно проанализировать соответствующие аспекты политики Российского государства в предшествующих исторических периодах. В частности, при рассмотрении вероисповедного законодательства Российской империи начала XX в. весьма актуальным выступает выявление критериев опасности тех или иных сект, толков, согласий и др. для личности, общества и государства, а также сопоставление их с современными представлениями.

Илья Андреевич Александров — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета (alexandrovilya88@mail.ru).

¹ Термин «деструктивное религиозное объединение» представляется нам более предпочтительным в частности, потому, что основывается на законодательно определенном понятии «религиозное объединение», а не на более узких по смыслу понятиях «секта» или «культ», касающихся определенных разновидностей религиозных объединений. В качестве признаков деструктивного религиозного объединения можно рассматривать предусмотренные ст. 14 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» основания для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке: нарушение общественной безопасности и общественного порядка, принуждение к разрушению семьи, посягательство на личность, права и свободы граждан и др.

Действовавшее в указанный период отечественное законодательство, касающееся так называемых религиозных преступлений, характеризуется как масса различных законов, оставшихся «от разных времен и не всегда вполне гармонирующих друг с другом» [Познышев, 1906, 223], главное место среди которых принадлежало главе второй Уголовного уложения, высочайше утвержденного 22 марта 1903 г. Указывается, что от редакционной комиссии по составлению нового Уложения ожидали дальнейших шагов навстречу сектантам и раскольникам. Однако им также приходилось опираться на сохранившие свою силу нормы, запрещавшие отступление от православия, склонение в раскол, публичное оказательство раскола, устройство раскольничьих скитов и обителей и т. п. Вследствие этого редакционная комиссия вынуждена была, сохранив ряд запретов (в частности, на соvrащение в разнообразные расколоучения или секты), ограничиться смягчением санкций за некоторые деяния [Лебедев, 2007, 102]. Например, обоснованность смягчения наказания за соvrащение² аргументировалась следующим образом:

1) Подчеркивалось, что стремление соответствующего лица к обращению в исповедуемую им веру иных лиц является естественным проявлением религиозных чувств. В этой связи отмечалась несправедливость установления строгого наказания за подобное соvrащение, не сопровождавшееся насилием, а также ставилась под сомнение целесообразность наказуемости данного деяния.

2) Указывалась неэффективность борьбы с распространением различных верований и учений посредством жестоких уголовных наказаний, так как она имела обратное влияние, содействуя развитию сект, создавая религиозное мученичество. При этом высказывалось мнение, что главным средством воздействия в этой сфере должно являться «орудие духовное», т. е. сила нравственного убеждения, соответствие внутреннего достоинства проповедников проповедуемым ими идеям, а не тюрьма или ссылка.

3) Отмечалось, что при непринудительном соvrащении доказывание того факта, что соответствующее лицо приняло какое-либо религиозное учение не по собственному внутреннему убеждению, а по настоянию другого, представляется в высшей степени затруднительным [Попов, 1904, 486].

Ответственность за соvrащение в расколоучение или секту первоначально предусматривалась статьей 84 главы второй Уголовного уложения, именуемой «О нарушении ограждающих веру постановлений» (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIII, 1905). В ее рамках устанавливалась ответственность за следующие деяния:

1) соvrащение православного в существующие или во вновь проповедываемые расколоучение или секту посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод или обмана (наказывалось ссылкой на поселение);

2) соvrащение православного в существующие или во вновь проповедываемые расколоучение или секту, «учиненное» посредством насилия над личностью или «наказуемой угрозы», (наказание в виде каторги на срок не свыше шести лет или ссылкой на поселение)³;

---

² В Уголовном уложении действительно была смягчена ответственность «совратителей», за исключением только соvrащения в расколоучение или секту.

³ В частности, дореволюционным исследователем С. В. Познышевым критиковалось смещение насильственного обращения и соvrащения. Он связывал разницу между этими двумя понятиями с тем, что соvrащение предполагает не только воздействие, которое побудило бы кого-либо оставить одну веру и перейти в другую, но и добровольный (ненасильственный) переход «соvrащаемого» вследствие такого побуждения. «Совратить — значит теми или иными средствами соблазнить, подстрекнуть перейти в новую веру». В тех же случаях, когда употребляется насилие, следует говорить не о соvrащении (соблазнении), а об обращении. Что касается упоминания в первом пункте, где речь идет о ненасильственном соvrащении, термина «принуждение», то, по мнению данного исследователя, он попал в эту характеристику, очевидно, по недоразумению [Познышев, 1906, 258, 259, 268].

3) соращение в такое расколоучение или секту, «принадлежность к коим соединена с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями» (виновный наказывался ссылкой на поселение в «особо предназначенные для сих осужденных местности»);

4) соращение в указанные в третьем пункте расколоучение или секту посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы (в качестве наказания предусматривалась каторга на срок не свыше восьми лет).

При этом оговаривалось, что этим же наказаниям и на этих же основаниях подлежал последователь скопчества или иного изуверного учения, виновный в соращении в свое учение также лица «инославного Христианского или нехристианского вероисповедания».

Обращает на себя внимание факт использования в этой статье только термина «соращение» в отличие от соответствующих статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где наряду с соращением говорилось о распространении ересей и расколов и об отвлечении христианина «через подговоры, обольщения или иными средствами» в нехристианскую веру. Кроме того, соращение в новом Уложении признавалось наказуемым только тогда, когда оно совершалось посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод, обмана либо насилия над личностью или наказуемой угрозы (два последних обстоятельства влекли «обострение уголовной кары»). Т. е. данная формулировка обладала определенными преимуществами для лиц, которые могли бы быть обвинены в соращении в раскол или ересь. Если бы в законе шла речь о соращении вообще, без дальнейших пояснений, «под это понятие могло бы быть подведено всякое воздействие одного лица на другое, хотя бы оно выразилось только в чтении, беседе или даже просто в нравственном влиянии, едва уловимом. Достаточно было бы, например, сопоставить два факта: частые беседы убежденного раскольника с православным и совершившийся затем переход последнего в раскол, — чтобы предположить между ними причинную связь и признать наличность соращения. При действии нового уложения это перестает быть возможным; для обвинения в соращении необходимо будет установить употребление совратителем одного из средств, предусмотренных законом — средств, предосудительных по самому своему существу, независимо от преследуемой ими цели» [Арсеньев, 1905, 274, 275].

Непосредственно за принадлежность к расколоучению или секте, «соединенным с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями», наказание в виде ссылки на поселение в особо предназначенные для данных осужденных местности устанавливалось в статье 96. В ней также предписывалось подвергать аналогичному наказанию лицо, виновное в оскотлении самого себя по заблуждению фанатизма.

Что касается ответственности за оскотление других лиц, то согласно статье 85 Уголовного уложения виновный в оскотлении с согласия на то оскотляемого, принадлежавшего к скопческой ереси или «хотя к ней и не принадлежащего, но с целью соращения в оную», наказывался каторгой на срок не свыше шести лет. Если же оскотление было «учинено посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы», то виновный наказывался каторгой уже на срок не свыше десяти лет.

При анализе вопросов ответственности членов скопческой секты указывалось на различие между ст. 96 Уголовного уложения 1903 г. и ст. 203 предшествующего уложения (нумерация статей приводится по изданию 1866 г. и более поздним), которое заключалось в применении ранее не использовавшейся формулировки «расколоучение и секта, соединенные с оскотлением себя или других». В качестве аргументов в пользу этого новшества приводились соображения о том, что скопчество должно быть «несомненно отнесено к числу противонравственных учений», а также что в статье 203 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в издании 1885 г. скопцы прямо причислены к группе изуверных сект [Вульфорт, 1904, 257]. С другой стороны, отмечалось, что с учетом положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

и кассационной практики скопцы преследовались за распространение своей ереси, за самооскопление и оскопление, но последователи скопческой ереси, не обвиняемые в указанных деяниях, не должны были преследоваться за одну принадлежность к ней. Однако приведенная формулировка, включенная в ст. 96 нового Уложения, позволяла привлекать к ответственности скопцов, относимых к последней группе, за одну только принадлежность к этому учению [Вульферт, 1904, 258]. Например, А. К. Вульферт, сопоставляя это установление с ч. 2 ст. 96, закреплявшей то же самое наказание (что и за принадлежность к изуверному учению) за самооскопление, высказывал опасение о негативном влиянии таких предписаний на тех духовных скопцов (т. е. неоскопленных лиц), которые не проповедовали свое учение и не оскопляли других и, соответственно, не подлежали ответственности. Данный автор задавался вопросом: не окажет ли статья 96 Уголовного уложения «по отношению к такому духовному скопцу значительную поддержку убеждениям и увещаниям других скопцов — совершить над собою операцию, знаменующую высшую ступень духовного совершенства, по скопческим понятиям, так как достижение этой ступени не может повлечь для него иного большего наказания, как то, которому он подвергается по ст. 96 ч. 1-й за одну принадлежность к скопческой ереси» [Вульферт, 1904, 259].

По поводу иных изменений, произошедших в сравнении с текстом Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, и касающихся в определенной мере последователей изуверных учений (наряду с приверженцами иных сект и старообрядческих согласий и толков), в частности, можно указать на исключение нормы, в силу которой последователь расколоучения или секты, вследствие обращения его в православие возвращенный из места ссылки, но вновь отпавший в прежнее учение, должен был подлежать ссылке на поселение. По всей вероятности, было признано, что отпадение от православия, при каких бы обстоятельствах оно ни произошло, уголовно наказуемым деянием «само по себе ни в каком случае почитаться не может» [Арсеньев, 1905, 277].

В целом же статьи, касающиеся нарушений «ограждающих веру постановлений» вообще и деяний старообрядцев и сектантов (в том числе изуверного характера) в частности, оценивались как весьма удачные (по сравнению с предыдущим Уложением). В постановления главы второй Уложения была внесена «большая точность и стройность», смягчены чрезмерно суровые, не соответствовавшие современным (на тот момент) воззрениям кары, а также исключен ряд постановлений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, «которым не место в уголовном кодексе», и в большей мере достигнуто «приближение к духу христианской терпимости» [Вульферт, 1904, 255, 256]. Но наряду с этим говорилось о том, что, с одной стороны, нехристианские религии и неприлегированные христианские вероучения недостаточно были охранены Уложением 1903 г. и «от грубейших оскорблений», а с другой стороны, господствовавшее вероучение охранялось «с особой и излишней ревностью» [Познышев, 1906, 226].

Однако в своем первоначальном виде Уголовное уложение 1903 г. так и не вступило в силу, его положения были изменены высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 14 марта 1906 г. о согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного уложения (до этого момента продолжали действовать нормы старого Уложения) [Познышев, 1906, 223].

Еще в именном высочайшем указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. предлагалось «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников... и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения» (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIV, 1907). В свою очередь, Комитету министров предлагалось в кратчайший срок представить свои заключения по этим вопросам. Данный орган пришел к выводам, что «веротерпимость... применяемая к другим религиям, долгое время

не распространялась на раскольников... раскол не был признаваем самостоятельным вероучением», что «продолжавшаяся в течение почти двух веков нетерпимость к раскольникам со стороны светских и духовных властей способствовала развитию в них фанатически враждебного отношения к православной церкви», что «дарованные законом 1883 г. для последователей раскола льготы не могли их удовлетворить, не обеспечивая в должной мере свободного отправления ими обрядов их веры», и разработал ряд мер по улучшению правового положения старообрядцев и сектантов [Клочков, 1982, 82, 83].

Согласно именному высочайшему указу Николая II, данному Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и одноименному положению Комитета министров, высочайше утвержденному 17 апреля 1905 г., следовало: «Установить в законе различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием раскол, разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия; б) сектантство и в) последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке» (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV, 1908). При этом разъяснялось, что право общественного богослужения и предусмотренные законами для «раскола» гражданские права распространялись на последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков [Клочков, 1982, 83].

Религиозным обществам старообрядцев и сектантов присваивалось наименование «общины», и за ними признавалось право владеть движимым и недвижимым имуществом. Также с согласия министра внутренних дел им разрешалось устраивать скиты и другие подобные обители. Сооружение старообрядческих и сектантских молитвенных домов, также как разрешение их ремонта должно было производиться на тех же основаниях, что и установленные для храмов инославных исповеданий. Духовным лицам старообрядцев и сектантов присваивалось наименование «настоятели и наставники» и дозволялось «свободное отправление духовных треб, как в частных и молитвенных домах, так и в иных потребных случаях, с воспрещением лишь надевать священнослужительное облачение, когда сие будет возбранено законом». Иные основные положения указа от 17 апреля 1905 г. касались предоставления определенных льгот вышеуказанным духовным лицам, уравнивания старообрядцев и сектантов в правах с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими смешанных браков с православными и т. д. [Познышев, 1906, 288, 289; Сафонов, 2007]. В дальнейшем эти акты были дополнены именованным высочайшим указом от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от Православия сектантов» (Именной высочайший указ, 1906).

Принятие приведенных актов повлекло за собой в том числе трансформацию и ряда статей Уголовного уложения 1903 г. В интересующем нас аспекте следует сказать об отмене ч. 1 и 2 статьи 84 (см. выше)⁴, которая теперь предполагала ответственность лица, виновного в том, что оно посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод или обмана совратило православного в изуверное учение, принадлежность к которому соединена с посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями. В этом случае наказанием выступала, как и прежде, ссылка на поселение в особо предназначенные для этих осужденных местности. Опять же, если такое совращение было совершено посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, то виновный наказывался каторгой на срок не свыше восьми лет. Этим же наказаниям и на этих же основаниях подлежал последователь скопчества

⁴ Свою силу сохранила статья 90 Уголовного уложения, устанавливавшая ответственность за произнесение или чтение, публично, проповеди, речи или сочинения, а также за распространение или публичное выставление сочинения или изображения, «возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание или в расколоучение или секту, если сии деяния учинены с целью совращения православных».

или иного изуверного учения, виновный в соращении в свое учение лица инославного христианского или нехристианского вероисповедания.

В отличие от предыдущей редакции Уложения, где говорилось о таком расколовании или секте, «принадлежность к коим соединена с изуверным посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями», в соответствии с текстом указа от 17 апреля 1905 г. в данной статье была использована формулировка «изуверное учение, принадлежность к коему соединена...». Эта же формулировка была применена в статье 96, где говорилось о наказании (в виде ссылки на поселение в особо предназначенные для этих осужденных местности) лица, виновного в принадлежности к изуверному учению, соединенному с посягательством на жизнь свою или других, или с оскотлением себя или других, или с явно безнравственными действиями. Этому же наказанию подлежал виновный в оскотлении себя по заблуждению фанатизма.

Были отменены касавшиеся всех вообще сектантов и старообрядцев статьи 91 (связанная с совершением раскольником или сектантом духовной требы, «знаменующей принятие в раскол или секту, над лицом заведомо православным» и т. п.) и 92 (говорившая о публичном оказательстве раскола, запрещенном законом). Однако хотя последняя статья утратила силу, ст. 59 Устава о предупреждении и пресечении преступлений и примечание к ней не были отменены. Эта статья гласила: «как покушение к вовлечению других в ереси, так и всякое публичное оказательство ереси и раскола со стороны их последователей, запрещаются». Согласно примечанию, публичным оказательством раскола признавались: «1) крестные ходы и публичные процессии в церковных одеяниях; 2) публичное ношение икон, за исключением случая, предусмотренного ч. 1 ст. 49; 3) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительного одеяний; 4) раскольничье пение на улицах и площадях». Высказывалось мнение, что на основании этой статьи и статьи 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, карающей за неисполнение законных распоряжений и требований правительственных и полицейских властей, возможно уголовное преследование за обозначенные деяния [Познышев, 1906, 288, 289].

Здесь целесообразно сказать, что, несмотря на предоставление существенного объема прав старообрядцам и сектантам (по сравнению с предыдущими историческими периодами), не относившимся к числу последователей изуверных учений, их учения продолжали считаться в какой-то мере неполноценными и опасными для православных, которых закон по-прежнему, хотя и не такими, как раньше, жесткими способами, продолжал ограждать от «раскольничьего соблазна» [Клочков, 1982, 84]. Изменения в нормативно-правовых актах, регламентирующих положение «раскольников», были в том числе связаны с признанием государственной властью того факта, что «история борьбы православия с сектами с несомненностью доказывает, что в данном случае сила является орудием недействительным; подвергаемые преследованиям сектанты лишь получают в глазах своих единомышленников ореол мучеников, а с тем вместе исповедание их растет и крепнет»; «какою бы строгостью ни были обставлены собрания для богомоления, таковые всегда будут существовать с тем только различием, что в случае запрета богомоления будут совершаться в обстановке, совершенно не допускающей надзора со стороны властей». Помимо этого учитывалось, что «такие лица всего легче могут явиться благодарною почвою для зарождения всякого рода смут и беззакония» [Клочков, 1982, 82].

В заключение представляется уместным упомянуть о тех корректировках, которые в пореформенный период предлагалось внести в рассмотренные выше нормы, касающиеся религиозных объединений, учения которых оценивались как изуверные. Часть из этих предложений была связана с вопросом о целесообразности наличия каких-либо особых постановлений относительно скопцов. Указывалось, что насильственное оскотление «есть весьма тяжкое телесное повреждение и должно рассматриваться как таковое. С ним может соединяться принуждение к принятию скопческого

учения, но может и не соединяться; в первом случае будет идеальная совокупность двух преступлений. Что касается оскпления с согласия на то оскпляемого, то так же, как и самооскпление, оно вовсе не должно считаться преступлением, при условиях, разумеется, что потерпевший был совершеннолетним, находился в состоянии вменяемости, и согласие его не было мимолетным, случайным заявлением; иначе виновный должен отвечать как за оскпление без согласия»⁵. Предлагалось также перестать расценивать как преступление любое ненасильственное совращение (в том числе и в изуверное учение) при условии, что «совращаемый» способен к религиозному самоопределению (достиг определенного возраста и т. д.) [Познышев, 1906, 268]. Наконец, открытым остался вопрос о том, что законодатель понимал под изуверством, изуверным учением, «признаки которого при отсутствии четкого определения можно найти практически в любой религии» [Лебедев, 2007, 106]. Помимо указаний на то, что такие учения соединены с посягательством на жизнь свою или других, или с оскплением себя или других, говорилось об их сопряженности с явно безнравственными действиями. При обращении к более ранней законодательству привлекает внимание предшествующая подобная характеристика «противонравственные гнусные действия», специфически толковавшаяся применительно к сектам хлыстов и скопцов⁶. Таким образом, с нашей точки зрения, здесь можно провести некоторую аналогию с пониманием ряда современных терминов (например, «тоталитарная секта»), которые характеризуются существенной расплывчатостью.

Источники и литература

Источники

1. Именной высочайший указ (1906) — Именной высочайший указ о порядке образования и деятельности старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов. М., 1906.
2. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIII (1905) — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение I. СПб., 1905. № 22704.
3. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIV (1907) — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIV. Отделение I. СПб., 1907. № 25495.
4. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV (1908) — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. Отделение I. СПб., 1908. № 26125, 26126.

---

⁵ В подтверждение этого соображения говорилось о том, что оно было принято и составителями Уголовного уложения, и в проекте 1895 года не было статьи, аналогичной статье 85 Уголовного уложения, которая была внесена особым совещанием при Государственном Совете, рассматривавшем проект [Познышев, 1906, 272].

⁶ Например, третий всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в 1897 г. постановил обратиться к обер-прокурору Синода «с почтительным ходатайством» о том, чтобы одно из кассационных решений Правительствующего Сената «было разъяснено, кем следует, в том смысле, что при каждом отдельном судебном процессе, признаком гнусности (имеется в виду норма Уложения 1845 г. о приверженцах ересей, соединенных с противонравственными, гнусными действиями и т. д. — *И. А.*) ... считать всякого вида уклонение последователей хлыстовщины от целомудрия и безнравственность, в известном деле установленные, не требуя всякие раз особых в тесном смысле гнусных видов разврата (свального греха)». Соответственно, радения хлыстов, «в безобразных их формах происходящие» (т. е. в любых формах, даже не сопряженных с приписываемым им свальным грехом), предлагалось считать за проявление «гнусности», что повлекло бы ответственность членов этой секты по ст. 203 Уложения [Скворцов, 1897, 107, 108].

Литература

5. Арсеньев (1905) — *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость: Сборник статей. СПб., 1905. 294 с.
6. Вульферт (1904) — *Вульферт А. К.* По поводу ст. 96 нового уголовного уложения // Вестник права. 1904. Книга десятая. С. 255–259.
7. Клочков (1982) — *Клочков В. В.* Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести в СССР). М., 1982. 160 с.
8. Лебедев (2007) — *Лебедев В. Б.* Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII — начале XX вв.: монография. Псков, 2007. 154 с.
9. Познышев (1906) — *Познышев С. В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М., 1906. 321 с.
10. Попов (1904) — *Попов А.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. 528 с.
11. Сафонов (2007) — *Сафонов А. А.* Реформирование вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. // Право и политика. 2007. № 2. С. 100–107.
12. Скворцов (1897) — *Скворцов В. М.* Деяния 3-го всероссийского миссионерского Съезда в Казани, по вопросам внутренней миссии и расколосоектанства. Киев, 1897. 352 с.

Ilya Alexandrov. About the Responsibility of the Followers of Destructive Religious Doctrines According to the Criminal Code 1903.

Abstract: In the article some aspects of the responsibility of the members of so-called destructive religious organizations are considered. Varied issues, required a balanced approach, arise in the sphere of the relations of the state with diverse religious organizations in the modern society. In this connection, the investigation of legal policy of Russian Empire with respect to different sects, Old Believers persuasions is advisable. In particular, religious organizations, dangerous for the individual, the society and the state, are compared with atrocious sects. The above term correlates with the notion «atrocious doctrine», used in pre-revolutionary Russian law. In this case, the rules of the Criminal code 1903, dedicated to the responsibility of the followers of these doctrines, are analyzed. The issues, connected with the responsibility for the «seduction» in atrocious doctrine and for the belonging to such doctrine, are investigated. The changes in investigated rules, arising in connection with the passing of Emperor's Nikolai II decree «On tolerance development» of April 17, 1905, are discussed. These changes were connected with including the recognition of inefficiency of punitive policy towards diverse religious sects. Finally, the changes, that were proposed to make in the rules, concerned followers of atrocious doctrines, are considered.

Keywords: sect, schism, atrocious doctrine, Russian Empire, Criminal code.

Ilya Andreevich Alexandrov — Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law at Togliatty State University (*alexandrovilya88@mail.ru*).

Sources and References

Sources

1. Imennoy vysochayshiy ukaz (1906) — Imennoy vysochayshiy ukaz o poryadke obrazovaniya i deyatel'nosti staroobryadcheskikh i sektantskikh obshchin i o pravakh i obyazannostyakh vkhodya-shchikh v sostav obshchin posledovateley staroobryadcheskikh soglasiy i otde-livshikhysya

ot pravoslaviya sektantov [*The nominal Royal decree on an order of education and activity of Old Belief and sectarian communities and on the rights and duties of the communities of followers of Old Belief soglasiya and the sectarians who separated from Orthodoxy which are a part*]. Moscow, 1906. (In Russian).

2. PSZRI. Sobr. 3. T. XXIII (1905) — Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye tret'e. Vol. XXIII. Otdeleniye I [*Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection the third. Vol. XXIII. Section of I*]. Saint Petersburg, 1905, no. 22704. (In Russian).

3. PSZRI. Sobr. 3. T. XXIV (1907) — Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye tret'e. Vol. XXIV. Otdeleniye I [*Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection the third. Vol. XXIV. Section of I*]. Saint Petersburg, 1907, no. 25495. (In Russian).

4. PSZRI. Sobr. 3. T. XXV (1908) — Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye tret'e. Vol. XXV. Otdeleniye I [*Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection the third. Vol. XXV. Section of I*]. Saint Petersburg, 1908, no. 26125, 26126. (In Russian).

References

5. Arsen'ev (1905) — Arsen'ev K. K. *Svoboda sovesti i veroterpimost': Sbornik statey* [*Freedom of worship and toleration: Collection of articles*]. Saint Petersburg, 1905, 294 p. (In Russian).

6. Vul'fert (1904) — Vul'fert A. K. Po povodu st. 96 novogo ugovolnogo ulozheniya [Concerning Art. 96 of the New Criminal code]. *Vestnik prava*, 1904, vol. 10, pp. 255–259. (In Russian).

7. Klochkov (1982) — Klochkov V. V. *Zakon i religiya: (Ot gosudarstvennoy religii v Rossii k svobode sovesti v SSSR)* [*Law and religion: (From the state religion in Russia to the freedom of worship in the USSR)*]. Moscow, 1982, 160 p. (In Russian).

8. Lebedev (2007) — Lebedev V. B. *Religioznye prestupleniya v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii v XVIII — nachale XX vv.: monografiya* [*Religious crimes in the legislation of the Russian Empire in the 18th — early 20th centuries: monograph*]. Pskov, 2007, 154 p. (In Russian).

9. Poznyshhev (1906) — Poznyshhev S. V. *Religioznye prestupleniya s tochki zreniya religioznoy svobody* [*Religious crimes from the point of view of religious freedom*]. Moscow, 1906, 321 p. (In Russian).

10. Popov (1904) — Popov A. *Sud i nakazaniya za prestupleniya protiv very i nnavst-vennosti po russkomu pravu* [*Judgment and punishments for crimes against Faith and Moralty according to the Russian law*]. Kazan', 1904, 528 p. (In Russian).

11. Safonov (2007) — Safonov A. A. Reformirovaniye veroispovednogo zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Reforming of the religious legislation of the Russian Empire at the beginning of the 20th century], *Pravo i politika*, 2007, no. 2, pp. 100–107. (In Russian).

12. Skvortsov (1897) — Skvortsov V. M. *Deyaniya 3-go vserossiyskogo missionerskogo S"ezda v Kazani, po voprosam vnutrenney missii i raskolosektantstva* [*Acts of the 3rd All-Russian missionary Congress in Kazan, concerning internal mission and sectarian split*]. Kiev, 1897, 352 p. (In Russian).